

Людвиг фон Мизес

*Человеческая
деятельность*

трактат по экономической
науке

Социум
Челябинск

УДК 330.831.3
ББК 65.02
М57

Федеральная целевая программа “Культура России”
(подпрограмма “Поддержка полиграфии и книгоиздания России”)

Дизайн: *С.В. Митурич* (Изд-во “Три квадрата”)

Мизес Людвиг фон.
М57 Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. — Челябинск: Социум, 2005. — 877 с.

ISBN 5–901901–29–0

Книга выдающегося экономиста XX в. Л. фон Мизеса, основателя неомавстрийской школы экономической теории представляет собой систематическое изложение эпистемологии, методологии и теории экономической науки от самых основ (теории ценности) до экономической политики. Всесторонне рассматривается как рыночная экономика, так и социалистическая экономика, а также интервенционизм. Издавалась на английском, французском, итальянском, испанском, румынском, китайском и японском языках.

Для экономистов, историков, социологов и политологов, а также для всех интересующихся экономической теорией.

УДК 330.831.3
ББК 65.02

ISBN 5–901901–29–0

© 1996 by Bettina B. Grieves
© Куряев А.В., перевод на русский язык, 2000
© Оформление ООО “Социум”, 2005

Предисловие

Людвиг фон Мизес был и до сих пор известен нашему читателю только как несгибаемый либерал и бескомпромиссный борец с социализмом и бюрократией. Выход на русском языке его книги “Человеческая деятельность”, со дня публикации которой прошло ровно полвека, раскрывает нам всю систему его взглядов, закономерным элементом и логическим завершением которой является мизесовский либерализм. В этой книге сплелись воедино все излюбленные сюжеты Мизеса: теория денег и кредита, проблемы инфляции и экономического цикла, критика социализма и интервенционизма и отстаивание антипозитивистской “априористской” методологии экономической теории.

Выход в свет “Человеческой деятельности”, безусловно, справедлив по отношению к автору, мыслившему системно и создавшему последнее в истории экономической мысли произведение в жанре трактата экономической теории, в то время, когда единственным жанром для экономистов стали журнальные статьи, впоследствии объединяемые в сборники статей данного автора по разным поводам. Здесь Мизесу удалось то, что не удавалось многим его предшественникам — великим экономистам, — написать “*magnum opus*”, отразивший взгляды автора по всем основным проблемам экономики и общества. Напомним, что и Маркс, и Менгер, и Вальрас, и Маршалл (перечень можно продолжить) ограничились выпуском первого тома своего будущего труда, но до второго и последующих томов дело так и не доходило. Проблема здесь не только в недостатке времени (Мизес был не в лучшем положении — за всю жизнь он только шесть лет в Женеве имел оплачиваемый университетский пост, давший ему желанную академическую свободу) и энергии. Трудность, на наш взгляд, заключается в том, что от первого тома, обычно содержащего абстрактные принципы теории, трудно дойти до поверхности — конкретных явлений из области экономической политики, идеологии и т.д. Мизесу это удалось, причем дважды: сначала на немецком в 1940 г., а затем в кардинально переработанном для американского читателя виде на английском языке. Смог автор выпустить также второе и третье переработанные издания “Человеческой деятельности”. Отчасти это объясняется тем, что Людвиг фон Мизес очень долго жил — 92 года (1881–1973). Но еще более важным было, наверное, то, что в его голове повседневная практика всегда воспринималась в контексте теоретических принципов. Все без исключения участники его семинара в Школе бизнеса Нью-Йоркского университета вспоминают, что в начале каждого заседания Мизес брал в руки свежую газету, выбирал какую-либо из экономических новостей и начинал ее комментировать с точки зрения принципов своей экономической теории¹. Означает ли это, что его принципы были близки к поверхности? Очевидно, нет, и в этом может убедиться читатель. Первая часть его книги в лучших традициях даже не австрийской, а немецкой теоретической мысли посвящена

---

¹ Этому, конечно, способствовало то, что в течение своей профессиональной карьеры Мизес в основном занимался практическими экономическими проблемами, будучи главным советником по финансам Венской торговой палаты, а позднее и австрийского правительства, которое возглавлял коллега Мизеса по семинару Бём-Баверка, социалист (!) Отто Бауэр. До конца своей жизни Мизес с гордостью вспоминал, что благодаря его почти единоличным усилиям инфляция в Австрии после первой мировой войны не достигла таких ужасающих размеров, как в Германии.

самым глубоким эпистемологическим проблемам экономической теории. Более того, вся книга, которая, напомним, является трактатом экономической теории, имеет прежде всего философскую логику рассмотрения материала. Здесь вы не найдете отдельного изложения микро- и макроэкономических проблем, как в современных учебниках. Дело здесь, на наш взгляд, в другом. Принципы Мизеса в отличие, скажем, от принципов того же Маршалла не синтезировали разные точки зрения, а представляли одну глубокую и вместе с тем полемически заостренную позицию. Эту позицию для краткости можно было бы назвать последовательным либерализмом. Глубиной и “партийностью” анализа книга Мизеса, как это ни парадоксально для человека, всю сознательную жизнь боровшегося с социализмом, близка к “Капиталу” Маркса. Однако в отличие от марксизма, обращенного к массам, либерализм был всегда обращен к свободным, критически мыслящим (в том числе и о своих учителях) индивидам. Поэтому, видимо, не случайно, что, хотя учениками Мизеса могли себя назвать многие известные экономисты разных стран — Ф. Хайек, О. Моргенштерн, Ф. Махлуп, Л. Роббинс, Г. Хаберлер, А. Мюллер-Армак, В. Репке, Ж. Рюэфф, Л. Эйнауди, И. Кирцнер, — почти никто не шел за учителем до конца, выбирая более “взвешенный” компромиссный путь. Здесь имеет смысл задуматься о педагогических преимуществах последовательного отстаивания учителем крайней позиции в качестве опоры для дальнейшего развития самостоятельной мысли учеников.

Кроме того, необходимо отметить, что, если бы не принципиальность и настойчивость Мизеса и его ученика Хайека, своеобразие австрийской школы маржинализма без остатка растворилось бы в мощном неоклассическом потоке 1930-х годов. Новая австрийская школа Мизеса — Хайека, сохранив менгеровскую традицию последовательного субъективизма и методологического индивидуализма, неприязни к математике и функциональному анализу, повышенного интереса к проблемам времени и неопределенности, добавила со своей стороны прежде всего мощный импульс воинствующего либерализма, основанного на строго научных аргументах. (Статья Мизеса 1920 г. о невозможности экономического расчета при социализме была первым научным экономическим доказательством ущербности социалистического проекта.)

Большую часть своей жизни Мизес провел в оппозиции господствующим взглядам: кейнсианским, социалистическим, нацистским, дирижистским. Почти полжизни ему пришлось провести в эмиграции. Его архив был арестован нацистами в Вене, а затем хранился в секретных архивах КГБ в Москве. Несмотря на долгую жизнь, Мизесу не удалось дождаться времени, когда к его идеям пришла популярность: в 1974 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена Ф. Хайеку, вслед за чем началось возрождение интереса к представителям новой австрийской школы как вечного оппонента кейнсианства и врага инфляции, закономерное в разгар stagflation в США и других развитых западных странах. Но интеллектуальная мода приходит и уходит, а серьезные и глубокие книги остаются, переиздаются, отмечают юбилеи и переводятся на другие языки. Было бы жестоко по отношению к читателю далее затягивать предисловие к этому огромному, спорному и очень интересному тексту.

Введение

1. Экономическая теория и прaksiология

Экономическая теория является самой молодой наукой. Конечно, за последние 200 лет на основе дисциплин, знакомых еще древним грекам, возникло много новых наук. Однако в данных случаях часть знания, которая до этого уже утвердилась в сложившейся старой системе знаний, просто стала автономной. Область исследований была более точно подразделена и исследована с помощью новых методов; в ней до сих пор открываются незамеченные области, и люди в отличие от своих предшественников начинают видеть вещи в новом свете. Сама область не расширилась. Но экономическая теория открыла для человеческой науки предмет, прежде недоступный и неосмысленный. Открытие регулярности в последовательности и взаимозависимости рыночных явлений вышли за рамки традиционной системы учений. Появилось знание, которое нельзя было считать ни логикой, ни математикой, ни психологией, ни физикой, ни биологией.

Долгое время философы стремились выяснить цели, которые Бог или Природа пытались достичь по ходу человеческой истории. Они искали закон судьбы и эволюции человечества. Но попытки даже тех мыслителей, чьи изыскания были свободны от любых теологических тенденций, потерпели полное фиаско, так как их подвел ошибочный метод. Они занимались человечеством в целом или оперировали другими холистическими понятиями — нации, расы или церкви. Такие мыслители устанавливали вполне произвольные цели, которым должно было соответствовать поведение подобных целостностей. Но они не могли дать удовлетворительного ответа на вопрос, какие силы заставляют множество действующих индивидов вести себя таким образом, что реализуются цели, намеченные неумолимым развитием этих целостностей. Они прибегали к отчаянным средствам: чудесным вмешательствам божества или откровениям богопосланных пророков и посвященных, предустановленной гармонии, предназначению или действию мистических и сказочных “мировой души” или “национальной души”. Другие говорят о “хитрости природы” [1], заложившей в человеке порывы, ведущие его точно по пути, заданному Природой.

Часть философов была более реалистична. Они не пытались разгадать замыслы Природы или Бога. Они смотрели на человеческие дела с точки зрения государства, устанавливающего правила политических действий, так называемые методики руководства и искусства управлять государством. Отвлеченные умы разрабатывали грандиозные планы глубоких реформ и переустройства общества. Более скромные удовлетворялись сбором

и систематизацией данных исторического опыта. Но все были абсолютно убеждены, что в событиях общественной жизни отсутствуют такие же регулярность и устойчивость явлений, какие уже были обнаружены в способе человеческих рассуждений и в последовательности природных явлений. Они не искали законов общественного сотрудничества, потому что считали, что человек способен организовать общество как ему захочется. Если социальные условия не соответствовали желаниям реформаторов, если их утопии оказывались нереализуемыми, вина возлагалась на нравственные недостатки человека. Социальные проблемы рассматривались как этические проблемы. Все, что нужно для построения идеального общества, считали они, — хорошие государи и добродетельные граждане. С праведниками можно воплотить в жизнь любую утопию.

Открытие неотвратимой взаимозависимости рыночных явлений изменило это мнение. Сбитые с толку люди вынуждены были приспосабливаться к новому взгляду на общество. Они с ошеломлением узнали, что человеческое действие может рассматриваться не только как хорошее или плохое, честное или нечестное, справедливое или несправедливое. Общественной жизни свойственна регулярность явлений, которую человек должен учитывать в своей деятельности, если хочет добиться успеха. Бесполезно относиться к событиям общественной жизни с позиций цензора, который что-то одобряет или не одобряет в соответствии с вполне произвольными стандартами и субъективными оценками. Необходимо изучать законы человеческой деятельности и общественного сотрудничества, как физик изучает законы природы. Революционное превращение человеческой деятельности и общественного сотрудничества в объект науки о данных зависимостях взамен нормативного описания имело огромные последствия как для познания и философии, так и для общественной деятельности.

Однако на протяжении более чем 100 лет влияние этого радикального изменения способов объяснения оставалось очень ограниченным, так как люди считали, что они относятся только к узкому сегменту общей области человеческого действия, а именно к рыночным явлениям. В своих исследованиях экономисты классической школы столкнулись с препятствием, которое они не смогли преодолеть, — очевидной антиномией ценности. Их теория ценности была несовершенной и заставила ограничить рамки своей науки. До конца XIX в. политическая экономия оставалась наукой об экономических аспектах человеческой деятельности, теорией богатства и эгоизма. Эта теория исследовала человеческую деятельность только в том случае, если она была вызвана тем, что описывалось — очень неудовлетворительно — как корысть, и утверждала, что существуют и другие виды человеческой деятельности, изучение которых является задачей других дисциплин.

Трансформация учения, начало которому положили экономисты классической школы, была завершена только современной субъективной экономической теорией, преобразовавшей теорию рыночных цен в общую теорию человеческого выбора.

Долгое время никто не осознавал, что переход от классической теории ценности к субъективной теории ценности оказался не просто заменой менее удовлетворительной теории рынка более удовлетворительной теорией. Общая теория выбора и предпочтений выходит далеко за рамки, ограничивающие пределы экономических проблем, которые были очерчены экономистами от Кантильона, Юма и Адама Смита до Джона Стюарта Милля. Это нечто гораздо большее, чем просто теория экономической стороны человеческих усилий, борьбы людей за предметы потребления и материального благосостояния. Это наука о любом виде человеческой деятельности. Любое решение человека есть выбор. Осуществляя его, человек выбирает не только между материальными предметами и услугами. Выбор затрагивает все человеческие ценности. Все цели и средства, материальное и идеальное, высокое и низкое, благородное и подлое выстраиваются в один ряд и подчиняются решению, в результате которого одна вещь выбирается, а другая отвергается. Ничего из того, что человек хочет получить или избежать, не остается вне этой единой шкалы ранжирования и предпочтения. Современная теория ценности раздвигает научные горизонты и расширяет поле экономических исследований. Из политической экономии классической школы возникла общая теория человеческой деятельности — *праксиология*¹ [2]. Экономические, или каталлактические, проблемы² [3] влились в более общую науку и больше не могут рассматриваться вне этой связи. Изучение собственно экономических проблем не может не начинаться с исследования акта выбора; экономическая теория стала частью, и на сегодняшний день наиболее разработанной, более универсальной науки — прaksiологии.

2. Эпистемологические[4] проблемы общей теории человеческой деятельности

В новой науке все казалось сомнительным. Она была незнакомкой в традиционной системе знаний; люди были сбиты с толку и не знали как ее квалифицировать и какое место ей определить. Но с другой стороны, они были убеждены, что включение экономической теории в перечень наук не требует реорганизации или расширения всей системы. Люди считали свою классификацию полной. И если экономическая теория в нее не вписывалась, то вина может возлагаться только на неудовлетворительную трактовку экономистами своих задач.

¹ Термин “праксиология” впервые был использован в 1890 г. Эспинасом (см.: Espinas. Les Origines de la Technologie//Revue Philosophique. XVth year. XXX. P. 114–115 и его книгу, опубликованную в Париже в 1897 г. под тем же названием).

² Термин “каталлактика”, или наука об обмене, впервые был использован Уотли (см.: Whately. Introductory Lectures on Political Economy. London, 1831. P. 6).

Лишь полное непонимание смысла полемики о существовании, границах и логическом характере экономической теории заставляет квалифицировать их как схоластические софизмы педантичных профессоров. Существует широко распространенное заблуждение, что, в то время как педанты занимались бесполезными разговорами о наиболее подходящих методиках, сама экономическая наука безотносительно к этим пустопорожним спорам спокойно двигалась своим путем. В ходе *Methodenstreit** [5] между австрийскими экономистами и представителями прусской исторической школы [6], называвшими себя “интеллектуальными телохранителями Дома Гогенцоллернов”, и в дискуссиях школы Джона Бейтса Кларка с американским институционализмом [7] на карту было поставлено значительно больше, чем вопрос о том, какой подход плодотворнее. На самом деле предметом разногласий были эпистемологические основания науки о человеческой деятельности и ее логическая законность. Многие авторы, отталкиваясь от эпистемологической системы, для которой прагматическое мышление было чуждо, и исходя из логики, признающей научными помимо формальной логики и математики лишь эмпирические естественные науки и историю, пытались отрицать ценность и полезность экономической теории. Историзм стремился заменить ее экономической историей; позитивизм рекомендовал в качестве нее иллюзорную социальную науку, которая должна была заимствовать логическую структуру и модель ньютоновской механики. Обе эти школы сходились в радикальном неприятии всех достижений экономической мысли. Экономистам нельзя было молчать перед лицом этих атак.

Радикализм этого массового осуждения экономической науки был вскоре превзойден еще более универсальным нигилизмом. С незапамятных времен люди, думая, говоря и действуя, принимали как не вызывающий сомнения факт единообразие и неизменность логической структуры человеческого разума. Все научные исследования исходили из этой предпосылки. В спорах об эпистемологическом характере экономической науки впервые в человеческой истории отрицалось и это утверждение. Согласно марксизму мышление человека определяется его классовой принадлежностью. Каждый общественный класс имеет свою логику. Продукт мысли не может быть не чем иным, как “идеологической маскировкой” эгоистических классовых интересов автора. Именно разоблачение философских и научных теорий и демонстрация их “идеологической” бессодержательности является задачей “социологии науки”. Экономическая наука — это “буржуазный” паллиатив, а экономисты — “сикофанты” [8] капитала. Только бесклассовое общество социалистической утопии заменит правдой “идеологическую” ложь.

Позднее этот полилогизм преподносился в различных вариантах. Согласно историзму, например, логическая структура человеческого мышления претерпевает изменения в ходе исторической эволюции. Расистский

---

*Спор о методах (нем.). — Прим. пер.

полилогизм приписывает каждой расе свою логику. Наконец, в соответствии с иррационализмом разум как таковой не объясняет иррациональные силы, определяющие человеческое поведение.

Эти доктрины выходят далеко за границы экономической науки. Они ставят под сомнение не только экономическую теорию и праксиологию, но и остальное знание и человеческие рассуждения в целом. Математики и физики это касается в той же мере, что и экономической теории. Поэтому создается впечатление, что задача их опровержения не относится к какой-либо одной ветви знаний, а скорее является функцией эпистемологии и философии. Это является достаточным основанием для позиции той части экономистов, которые спокойно продолжают свои исследования, не беспокоясь об эпистемологических проблемах и возражениях полилогизма и иррационализма. Физик ведь не обращает внимание, если кто-то клеймит его теорию как буржуазную, западную или еврейскую. Точно так же и экономист должен игнорировать клевету и злословие. Собака лает — караван идет; и не стоит обращать внимание на этот лай. Необходимо помнить изречение Спинозы: “Как свет обнаруживает и себя самого, и окружающую тьму, так истина есть мерило и самой себя, и лжи” [9].

Тем не менее ситуация в экономической науке отличается от математики и естественных наук. Острые атаки полилогизма и иррационализма направлены на праксиологию и экономическую теорию. И хотя они формулируют свои утверждения в общем виде применительно ко всем отраслям знания, в действительности имеются в виду именно науки о человеческой деятельности. Полилогизм и иррационализм называют иллюзией уверенности в том, что полученные результаты научных исследований могут быть действительными для людей всех эпох, рас и общественных классов, и находят удовольствие в поношении некоторых физических и биологических теорий как буржуазных или западных. Но если решение практических проблем требует применения этих заклеянных доктрин, они забывают о своей критике. В технологиях в Советской России без колебаний используются все достижения буржуазной физики, химии и биологии, как если бы они имели силу для всех классов. Нацистские инженеры не считали ниже своего достоинства использовать теории, открытия и изобретения представителей “неполноценных” рас и национальностей. Поведение людей всех рас, наций, религий, лингвистических групп, общественных классов не подтверждает доктрин полилогизма и иррационализма в отношении логики, математики и естественных наук.

Но праксиология и экономическая наука — совсем другое дело. Основной мотив развития теорий полилогизма, историзма и иррационализма — оправдание пренебрежения учениями экономистов при определении экономической политики. Попытки социалистов, расистов, националистов и этатистов опровергнуть теории экономистов и продемонстрировать правильность собственных ложных доктрин провалились. Именно этот крах заставил их отрицать логические и эпистемологические принципы, на которых основаны и повседневная деятельность, и научные исследования.

Но нельзя отвергать возражения просто на основе осуждения политических мотивов, инспирировавших их возникновение. Ни один ученый не имеет права заранее предполагать, что осуждение его теорий неосновательно, на основании того, что критика пропитана страстью и партийными предубеждениями. Он обязан ответить на каждое замечание независимо от скрытых мотивов их происхождения. Недопустимо также хранить молчание, сталкиваясь с часто звучащим мнением, что теоремы экономической науки действительны только при условии выполнения гипотетических допущений, никогда не реализующихся на практике, и потому бесполезны для мысленного понимания действительности. Странно, однако, что некоторые школы склонны разделять это мнение, но, несмотря на это, продолжают строить свои кривые и формулировать уравнения. Они не беспокоятся о смысле своих рассуждений и об их отношении к миру реальной жизни и деятельности.

Это, конечно же, несостоятельная позиция. Первая задача любого научного исследования — исчерпывающее описание и определение всех условий и допущений, при которых разнообразные утверждения претендуют на обоснованность. Ошибочно принимать физику в качестве модели и образца для экономической науки. Но те, кто совершает эту ошибку, должны усвоить хотя бы одну вещь — ни один физик никогда не считал, что прояснение некоторых допущений и условий физических теорем находится за пределами физических исследований. Основной вопрос, на который экономическая наука должна дать ответ: как ее утверждения соотносятся с реальностью человеческой деятельности, мысленное понимание которой является предметом экономических исследований?

Поэтому тщательное рассмотрение утверждения о том, что учения экономической науки действительны лишь для капиталистической системы в течение короткого и уже закончившегося либерального периода, переходит в ведение экономической теории. И долг именно экономической науки, а не какой-либо другой области знаний рассмотреть все возражения, выдвигаемые с разных точек зрения против полезности утверждений экономической теории для прояснения проблем человеческой деятельности. Система экономической мысли должна быть построена таким образом, чтобы быть защищенной от любой критики со стороны иррационализма, историзма, панфизикализма, бихевиоризма и любых разновидностей полилогизма. Положение, когда экономисты делают вид, что игнорируют ежедневно выдвигаемые аргументы, демонстрирующие абсурдность и бесполезность построений экономической науки, является нетерпимым.

Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры. Теорию каталлактики необходимо выстроить на твердом фундаменте общей теории человеческой деятельности — праксиологии. Это не только защитит ее от необоснованной критики, но и прояснит многие проблемы, до сих пор даже адекватно не поставленные, не говоря уже об удовлетворительном решении. К их числу принадлежит фундаментальная проблема экономического расчета.